

# Михаил Ващенко

---

## Хорватский епископ й. ю. штроссмаэр и официальная Россия в 1860-1870-х годов: попытка диалога

---

Przegląd Wschodnioeuropejski 4, 123-134

---

2013

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej [bazhum.muzhp.pl](http://bazhum.muzhp.pl), gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

МИХАИЛ ВАЩЕНКО  
Институт славяноведения РАН / Москва

## ХОРВАТСКИЙ ЕПИСКОП Й. Ю. ШТРОССМАЙЕР И ОФИЦИАЛЬНАЯ РОССИЯ В 1860-1870-Х ГОДОВ: ПОПЫТКА ДИАЛОГА

Деятельность хорватского епископа, мецената, общественно-политического деятеля Й. Ю. Штроссмайера (1815–1905), направленная на сближение Хорватии и России, всегда представляла интерес для исследователей. Так, о контактах Штроссмайера с Россией писал советский и хорватский историк И. Очак<sup>1</sup>, к этой теме обращались его российские коллеги В.И. Фрейдзон, И.В. Чуркина и И.И. Лещиловская<sup>2</sup>, а также американский исследователь А. Кадич<sup>3</sup>. Однако вопрос об истинных стремлениях и целях Штроссмайера по-прежнему остается дискуссионным. Так, сербский историк В. Крестич в своих работах о Штроссмайере утверждает, что главной целью хорватского епископа было укрепление позиций династии Габсбургов и Австро-Венгерской монархии в ущерб России, а русские дипломаты, с которыми Штроссмайер делился своими идеями, не верили епископу и считали его «австрийским агентом-provokатором»<sup>4</sup>. В настоящей статье будут детально рассмотрены контакты Штроссмайера с представителями официальной России и его планы по установлению контактов между Россией и европейскими народами, прежде всего хорватами.

Штроссмайер как один из основателей Национально-либеральной партии и идеолог югославистского течения в хорватской политической

<sup>1</sup> I. Očak, *Hrvatsko-ruske veze. Druga polovica XIX i početak XX stoljeća*, Zagreb 1993.

<sup>2</sup> В.И. Фрейдзон, *Борьба хорватского народа за национальную свободу. Подъем освободительного движения в 1859–1973 гг. История, идеология, политические партии*, Москва 1970; И.В. Чуркина, В.С. Соловьев и Й.Ю. Штроссмайер об объединении церквей, „Вопросы истории” 1993, nr 6, с. 143–148; И.И. Лещиловская, Й.Ю. Штроссмайер в русской современной ему периодической печати в: *Lik i djelo Josipa Juraja Strossmayera. Zbornik radova*. Pod.red. S. Marijanoviča, Osijek 2008, s. 511–530.

<sup>3</sup> А. Кадич, *Vladimir Soloviev and bishop Strossmayer*, „The American Slavic and East European Review” 1961, nr2, p. 163–188.

<sup>4</sup> В. Крестич, *Бискуп Штроссмайер: Хрват, Великохрват или Југословен?*, Јагодина 2006, с. 38.

мысли еще в самом начале своей деятельности стремился установить контакты с представителями других славянских народов на самых разных уровнях. В середине – второй половине 1860-х гг. его внимание привлекали два славянских государства, где он пытался найти поддержку, – это Сербия и Россия. Первая в этот период небезосновательно претендовала на статус объединительного центра балканских славян, вторая же с давних времен служила ориентиром для всех зарубежных славян как единственное независимое славянское государство, обладавшее, к тому же, имперским статусом.

Штроссмайер предпринимал попытки установить контакты с сербским правительством князя Михаила Обреновича, которому в 60-е годы XIX в. удалось создать антиосманский Балканский союз, заключив договоры с Грецией, Черногорией и Румынией. В отличие от хорватских земель, политическое положение которых в этот период заметно ухудшилось в результате австро-венгерского компромисса 1867 г. и навязанного Хорватии соглашения с Венгерским королевством в 1868 г., Сербия, обладавшая широкой автономией, находилась на подъеме. В 1867 г. сербское правительство предложило Штроссмайеру план совместных действий, конечной целью которого стало бы объединение всех югославянских народов в единое федеративное государство с центром в Белграде, что избавило бы их, с одной стороны, от османского, а с другой, от немецко-венгерского угнетения: «Народность хорватская и сербская одна, югославянская [...] единственной основой государства является национальность [...], потому что [в этом] мы едины»<sup>5</sup>. Но эта идея не была осуществлена, а после убийства князя Михаила в 1868 г. и установления в Сербии регентского правления все попытки хорватско-сербского сотрудничества были прекращены. Штроссмайер в одном из писем к Ф. Рачки пишет об этом в самых нелестных выражениях:

Сербское правительство любит венгров и Турцию больше, чем себя и нас [...] В Сербии думают, что ей пойдет на пользу наша слабость. Сколько в этом слепоты, сколько неподдельной византийской злобы и зависти!<sup>6</sup>.

Еще за год до написания этого письма, в 1868 г. Штроссмайер, разочарованный в сербах, решил искать помощи у русских дипломатов. В письмах русского консула в Белграде Н. П. Шишкина и посла в Вене Е. П. Новикова министру иностранных дел князю А.М. Горчакову,

<sup>5</sup> В.И. Фрейдзон, *Исторические корни и сущность югославизма*, „Новая и новейшая история” 1997, nr 7, с. 38.

<sup>6</sup> *Korespondencija Rauki-Strossmayer*, knj. I, Zagreb 1928, s. 72.

опубликованных Фрейдзоном, дан пересказ их бесед со Штроссмайером. Судя по содержанию первого письма, Штроссмайер прежде всего описал Шишкину бедственное положение хорватского народа, страдавшего от мадьяризации и говорил о России, «единственной и бескорыстной защитнице христианства и славянства», которая является чуть ли не последней надеждой хорватов. Он даже в какой-то степени оправдывается перед консулом, что стал искать помощи в России так поздно, поскольку «она от нас так далека, так мало нас знала до сих пор, что мы даже не пытались взывать к ее братским чувствам, тем более, что нам известны были все жертвы, приносимые ею в пользу наших единоплеменников в Сербии»<sup>7</sup>. Штроссмайер с сожалением рассказывает и о причинах разрыва с сербами: по его словам, вместо поддержки хорваты получили от них совет соблюдать хорვა́то-венгерское соглашение. Поэтому Россия для него и стала последней надеждой. Чего же хотел епископ от Шишкина? Конечно же, денежной помощи – «хорватским патриотам», наиболее пострадавшим от венгерских преследований, Народной партии в целом, особенно в период выборов, а также партийным изданиям «*Pozor*» и «*Zukunft*». В обмен на это Штроссмайер обещал «быть послушным орудием воли и приказаний России, без совета ее не делать ни единого шага, не предпринимать ничего[...] я обязуюсь быть орудием России в здешнем крае; извещать обо всем, что будет замышлять Австрия и Венгрия против ее единоплеменников и против нее, и употребить все свое влияние на Военную границу, чтобы образовать из нее передового исполнителя великодушных предназначений»<sup>8</sup>.

Конечно, об этих словах Штроссмайера мы знаем только в пересказе Шишкина, поэтому, конечно, нельзя быть уверенным в их стенографической точности (тем более, что сам русский консул выражал в письме к Горчакову сожаление, что во время этой беседы в его распоряжении не было стенографа – не случайно ли?). С другой стороны, вряд ли было бы справедливо обвинить Шишкина в фальсификации, тем более, в письме, адресованном министру иностранных дел. Тем не менее, возможно предположить, что Штроссмайер вполне мог позволить себе подобного рода заявления. Будучи уже опытным политиком, он, конечно же, научился использовать в каждом случае необходимую риторику, и в данном случае она вполне объяснима. Интересно, что Штроссмайер выражает готовность не только исполнять роль «орудия России» и собирать для России необходимую информацию, но даже и вести какую-то пропаганду на

<sup>7</sup> В.И. Фрейдзон, *Две беседы Штроссмайера с российскими дипломатами* в: *Lik i djelo Josipa Juraja Strossmayera...*, s. 192.

<sup>8</sup> *Ibid.*, s. 193.

Военной границе<sup>9</sup>. То есть, хорватский епископ косвенным образом намекнул, что даже в случае русско-австрийского военного конфликта он будет готов сделать из Военной границы своеобразный центр сопротивления в тылу Австрии.

Но эта попытка Штроссмайера заручиться поддержкой официальной России не увенчалась успехом. Министерство иностранных дел России, руководствуясь принципами легитимизма, не могло вмешиваться во внутренние дела Австрийской империи. Россия была ослаблена после Крымской войны и еще не были отменены условия Парижского мира. Кроме того, в 1868 г. в Петербурге в большей степени рассчитывали на Сербию как центр славянского объединения на Балканах. Так или иначе, из министерства иностранных дел епископу было велено передать, что, «сочувствуя его ревностным усилиям поддержать народность хорватскую, мы не можем принять никакого участия в действиях, направленных против австрийского правительства»<sup>10</sup>. Конечно, вряд ли дело было только в принципе невмешательства во внутренние дела другого государства. Тот же Шишкин, хотя и благосклонно отнесся к Штроссмайеру, в своем письме назвал его «хитрым епископом». Российские дипломаты не могли не знать о том, что Штроссмайер в реальности совсем не был сторонником разрушения Габсбургской монархии. Поэтому официальная Россия и не спешила принять неожиданную «помощь» от Штроссмайера. Тем более, такую подозрительно безоговорочную.

Спустя два года Штроссмайер вновь появился в дипломатическом представительстве России, на этот раз в Вене. Судя по письму посла России в австрийской столице Новикова, который и был собеседником Штроссмайера, на этот раз епископ не высказывал никаких просьб о материальной помощи. Разговор с Новиковым носил более глобальный характер. Начал его Штроссмайер с утверждения о существовании германо-латинского заговора против славянского мира. «Его подлинной мишенью является Россия, и, чтобы сильнее поразить эту державу в ее цивилизаторской миссии среди единокровных народов, предпринимаются попытки разрушить один за другим ее аванпосты в Западной Европе и направить ее гуманную деятельность в сторону Азии»<sup>11</sup>, – такие слова в изложении Новикова произнес Штроссмайер в беседе с ним. Епископ

---

<sup>9</sup> *Военная Граница* – пограничная с Османской империей область на юго-востоке Австрийской империи, в состав которой входили в том числе и хорватские земли. Подразделялась на генералаты, полковые, ротные и общинные округа. Ее основное население составляли сербы и хорваты, называемые граничарами.

<sup>10</sup> В.И. Фрейдзон, *Борьба хорватского народа за национальную свободу...*, с. 339.

<sup>11</sup> Он же, *Две беседы Штроссмайера с российскими дипломатами* в: *Lik i djelo Josipa Juraja Strossmayera...*, s. 197.

жестко критиковал систему дуализма, мадьяризацию и германизацию, выражает свой страх перед прусской угрозой и разочарование в Габсбургской династии. Южные славяне, по словам Штроссмайера, «будучи не в силах спасти монархию[...], должны спасти самих себя без нее, а, при необходимости, и против нее»<sup>12</sup>. Как мы видим, епископ так же решительно, как и два года назад, обличает Австрию и подчеркивает роль России в решении проблем южных славян (интересно, что Новиков, помимо прочего, отмечает «красноречие» Штроссмайера). Но на этот раз нет никакого заискивания перед «единственной и бескорыстной защитницей славянства и христианства», как нет и каких-то конкретных предложений со стороны епископа официальной России. Он просто указывает Новикову на необходимость поддержки Россией южных славян: «Страдания, причиняемые славянам, являются в то же время ранами, наносимыми России, которые когда-нибудь начнут кровоточить»<sup>13</sup>. Естественно, что Новиков, заверив, разумеется, Штроссмайера в симпатиях российского императора к славянскому делу, не мог не указать епископу, что «не следует славянам проявлять неблагодарность, требуя от нас слишком многого сразу, либо пытаясь революционными действиями навязать нам свою волю»<sup>14</sup>.

Возможно, именно излишняя «революционность», то есть дерзость и резкость планов хорватского епископа, вызывали негативную реакцию российских дипломатов в Австрии (да и в самой России), в чьи задачи входило, прежде всего, выстраивание отношений с Австрийской империей, а не ее разрушение, которое могло бы привести к слому существовавшей системы международных отношений. Конечно, Россия считала Австрийскую империю своим геополитическим противником в Европе и на Балканах, но российские дипломаты все же не собирались ослаблять Габсбургскую монархию путем вмешательства в ее внутренние дела, тем более, с помощью Штроссмайера, имевшего, к тому же, репутацию австрослависта<sup>15</sup>. И его резкий тон в беседе с Новиковым не мог не вызвать негативную реакцию последнего.

Несмотря на тот неуспех, который пережил епископ в конце 1860-х гг., пытаясь заручиться поддержкой российского правительства, он еще долго не оставлял надежды добиться понимания в России. Это касалось в том

<sup>12</sup> Ibid, s. 198.

<sup>13</sup> Ibid.

<sup>14</sup> Ibid, s. 199.

<sup>15</sup> *Австрославизм* – программа сохранения и переустройства Габсбургской монархии на федеративных началах. Возникла в середине XIX в. Главные сторонники этой программы – чехи Ф. Палацкий и К. Гавличек-Боровский, словаки Я. Коллар и П.И. Шафарик, хорваты Й.Ю. Штроссмайер и (позже) братья С. и А. Радич.

числе и религиозного вопроса. Делом всей его жизни стало объединение церквей – католической и православной. Одним из первых и в то же время наиболее важных программных документов, в которых хорватский епископ изложил свою концепцию объединения церквей, стал «Меморандум русскому правительству», написанный в 1876 г.

В этом меморандуме Штроссмайер выделяет три «народа» (точнее, группы народов), которые, по его мнению, имеют наиболее вероятные шансы добиться господства в Европе – это «немцы», «латиняне» и «славяне». Они, по мнению епископа, должны образовать некую «триаду», которая была бы ответственна за положение дел на европейском континенте. Епископ довольно ревниво относится к тому, что Россия, как он считал, в то время уделяла слишком много внимания своей азиатской политике: «По моему мнению, славный русский народ жестоко бы ошибся, если бы уделял излишнее внимание событиям в Азии[...] и пренебрег бы возможностью как можно скорее укрепить свои позиции в Европе, чтобы они были постоянными, твердыми и определенными, и решить очень важные европейские вопросы так, как бы это соответствовало промыслу Божиему и пошло бы на пользу славян и всего человечества[...] все-таки Европа, как более культурная и могущественная, имеет преимущество»<sup>16</sup>.

Этот европоцентризм Штроссмайера, как можно вспомнить, проявился и в беседе с Новиковым в 1870 г., когда он в качестве одной из главных целей германо-латинского заговора против России называл разрушение ее позиций в Европе и переориентацию ее деятельности в сторону Азии. В данном случае, как можно заметить, нет таких резких слов в адрес немцев и «латинян», цель Штроссмайера скорее примирить Россию с западным миром, а не поссорить, хотя епископ и пишет о том страхе, который в Европе испытывают перед русскими и перед славянами вообще как об одной из проблем в отношениях России с Западом. И одним из основных способов, при помощи которых можно было бы эти проблемы устранить, Штроссмайер считает «конвенцию» (т.е. унию), которую бы «славная Российская империя должна заключить со Святым апостольским престолом»<sup>17</sup>. Епископ уверяет, что вовсе не католики способствовали тому, что в Европе утвердилось неправильное представление о русских. В то же время Штроссмайер не может отрицать того, что и папа Римский, и католическая печать, в частности, итальянская и французская, постоянно выступают с заявлениями против России, о чем автор меморандума

---

<sup>16</sup> J.J. Strossmayer, *Memorandum ruskoj vladi god.1876. Spomenica o važnosti i koristi konvencije koju bi trebalo da utanači slavno rusko carstvo sa svetom apostolskom stolicom* u: Josip J. Strossmayer, F. Rački. *Politički spisi: Rasprave. Članci. Govori. Memorandumi*, Zagreb 1971, s. 204.

<sup>17</sup> Ibid, s. 206.

открыто и пишет. Все может измениться, считает епископ, если сам папа изменит свое мнение о православии и России, а за ним последует и вся его паства, которой судьбой предназначено вступить со славянами в союз. Но самое главное, настойчиво повторяет Штроссмайер, это шаг со стороны России, которая сняла бы все проблемы заключением конвенции со Святым престолом.

Штроссмайер, понимая, что проблем на пути к союзу России и папского престола будет очень много, не только не стремится их скрыть, а наоборот, открыто о них пишет. Первой среди этих проблем, которые могли бы помешать России «осуществить свою миссию в Европе», епископ справедливо называет польский вопрос. Естественно, учитывая историю непростых русско-польских взаимоотношений, Штроссмайер не мог обойти эту проблему стороной. И он становится на русскую сторону. Епископ сразу дает полякам определение «непримиримых врагов России», которые, «ослепленные ненавистью к русским[...], могли бы объединиться хоть с самим чертом, лишь бы повредить им и помешать осуществлению их планов»<sup>18</sup>. Епископ всеми силами пытается заверить русское правительство, что антирусский настрой многих поляков ему претит во всем. Чтобы его слова звучали еще более убедительно, Штроссмайер решил привести в пример и роль австрийских поляков, которую они сыграли при переустройстве в Австрийской империи в дуалистическое государство в 1867 г. Его создание австрийские поляки поддержали, поскольку, по словам епископа, для них дуалистическая Австрия могла бы стать главным орудием в борьбе против России<sup>19</sup>. Безусловно, со стороны Штроссмайера это был весьма грамотный ход, учитывая все сложности в отношениях с поляками (тем более, не прошло и пятнадцати лет со времени последнего польского восстания 1863 г.) и тот факт, что именно поляки составляли большинство католиков в Российской империи. Штроссмайер заверяет читателей своего меморандума, что существует стопроцентная возможность справиться с этой ненавистью поляков к России, которую он называет «полонизмом», – это конвенция со Святым престолом, которая была бы «открытым и просто прекрасным доказательством для всей Европы, что русские до такой степени уважают и ценят свободу совести и вероисповедания, что полностью заслуживают любовь и дружеское расположение европейцев и остальных наиболее культурных народов»<sup>20</sup>. Кроме того, такая конвенция, по его мнению, повысила бы авторитет Российской империи в целом, способствовала бы примирению русских

<sup>18</sup> Ibid, s. 210.

<sup>19</sup> Ibid, s. 211.

<sup>20</sup> Ibid, s. 211–212.

с поляками (что, опять же, пошло бы только на пользу славянскому делу) и вызвала бы, наконец, одобрение самого папы Римского. Штрессмайер чуть ли не взывает к жалости русских, которые могли бы иметь «сострадание» к судьбе «своих несчастных братьев поляков»<sup>21</sup>.

Второй проблемой, мешавшей союзу России и Ватикана, по его мнению, являются... венгры. «Все венгры, без исключения, – пишет Штрессмайер, – настроены против славян и особенно русских и с удовольствием утопили бы их в ложке воды, как говорится в славянской пословице»<sup>22</sup>. Хотя сложности в контактах между русскими и венграми вряд ли можно сравнить с проблемами в польско-русских отношениях, Штрессмайер пытается представить их не менее серьезной угрозой для России. Поскольку в распоряжении епископа находилось не так уж много доказательств данного тезиса, он в основном делает упор на антиславянскую политику венгров внутри Габсбургской империи, где мадьяризации подвергались сербы, русины и другие народы. Об этом и пишет Штрессмайер, не забывая добавить, что венгры еще больше «ненавидят и презирают русских как моральных защитников всех славян и будущих их освободителей»<sup>23</sup>. Не лишним со стороны епископа было добавить, что венгры «со своими друзьями поляками» пытаются вести Австро-Венгрию во враждебном для России направлении». Здесь же находится место и австрославизму Штрессмайера, который превозносит «славную Австрийскую империю». Она, по его мнению, должна стать нейтральной державой и играть роль некоего посредника в Европе, урегулируя конфликты на этом пространстве, чему, по его мнению, мешает пагубное влияние венгерско-польского элемента, который на фоне «слабеющих изо дня в день» немцев становится основной силой в империи.

Но какое же отношение ко всему этому имеет союз России с Ватиканом, и, самое главное, как с его помощью можно устранить эту «венгерскую проблему»? Ответ епископ находит самый неожиданный. С помощью заключения этого союза можно привлечь на свою сторону... чешскую аристократию, которая «многими светлыми узами связана с преясной династией и, прежде всего, единой для них католической верой»<sup>24</sup>. Династия Габсбургов, по утверждению Штрессмайера, «инстинктивно» склонна к союзу с Россией. Заключив же союз с католической церковью, можно привлечь и Габсбургов, и аристократию на свою сторону, что могло бы уничтожить венгерско-польское влияние на дела монархии и открыть путь к «искреннему и крепкому союзу между Австрией и Россией,

---

<sup>21</sup> Ibid, s. 212.

<sup>22</sup> Ibid.

<sup>23</sup> Ibid.

<sup>24</sup> Ibid, s. 215.

поскольку их правильно понимаемые интересы, нигде не сталкиваются, а, более того, во всем сходятся»<sup>25</sup>.

В данном случае Штроссмайер все же преувеличивает положение дел и пытается представить проблему австрийских славян, связанную с мадьяризацией, проблемой, которая мешает непосредственно России. В то же время епископ, чьим идеалом была некая обновленная монархия Габсбургов, пытается наряду с идеей союза России с католической церковью продвигать и идею русско-австрийского союза. Пути решения этой «проблемы», с помощью привлечения на свою сторону австрийской императорской династии и чешской аристократии, представляются надуманными и имеющими отношение скорее к политическим и партийным устремлениям Штроссмайера, чем к чисто межконфессиональным отношениям.

Третьей, менее специфической проблемой, стоявшей перед Россией Штроссмайер считал господство османов в «самой красивой части Европы». Едва ли не две страницы своего меморандума епископ посвятил доказательству того, что туркам не место в Европе, что они «по своей вере и законам не могут жить среди христианских народов, поскольку согласно своей вере, которая у них одновременно является и светским законом[...], они призваны властвовать, бездельничать и наслаждаться, растрачивать себя на пороки или на насилие против несчастных христиан»<sup>26</sup>. Штроссмайер не верит никаким реформам в османском обществе (как раз в 1876 г. в Османской империи была принята конституция), поскольку на пути этих реформ стоит сама мусульманская религия. Штроссмайер, желая создать окончательную картину антирусского союза в Европе, добавляет, что «поляки и, в первую очередь, венгры протягивают руку туркам, своим родственникам, и стремятся изо всех сил к тому, чтобы, с одной стороны, немцев, с другой, турок и, по возможности, румын и греков, каждого по-своему привлечь к союзу против Российской империи»<sup>27</sup>.

Штроссмайер, описав во всех красках тяжелое для России положение дел, почему-то объявив турок и венгров родственными народами, которые наряду с поляками, немцами, румынами и даже греками образуют потенциальный антирусский союз, предлагает выход и из этого «тушика» и, конечно, тот же самый, что и в первых двух случаях. «Решить «восточный вопрос», – пишет автор меморандума, – для русских будет гораздо легче, если они заключат уже упомянутую конвенцию со Святым престолом»<sup>28</sup>. И какая же здесь связь? Дело в том, поясняет Штроссмайер,

<sup>25</sup> Ibid.

<sup>26</sup> Ibid, s. 216.

<sup>27</sup> Ibid, s. 218.

<sup>28</sup> Ibid.

что «враги Российской империи используют в Боснии и Герцеговине прежде всего католический элемент, чтобы чинить русским препятствия в этих краях»<sup>29</sup>.

В завершение Штрессмайер подробно разъясняет, что же должно содержаться в этой самой конвенции. С одной стороны, Ватикан должен стать гарантией того, что католицизм сам по себе не может служить поводом для ухудшения положения и репутации Российской империи, к чему всегда стремились поляки, венгры и «прочие неприятели России», а русское правительство, со своей стороны должно, по мысли Штрессмайера, «в полной мере гарантировать, что действия светских властей никогда и нигде не пойдут во вред католической религии»<sup>30</sup>.

Иными словами, суть «конвенции» состояла в том, что Россия в обмен на благосклонность Ватикана не должна препятствовать распространению католицизма где бы то ни было. Ту выгоду, которую от этого соглашения получает Ватикан изложена епископом достаточно четко и ясно, тогда как плюсы для России от этой конвенции не слишком очевидны. Россия просто не должна чинить никаких препятствий распространению католической религии и к тому же в союзе со Святым престолом совладать с Османской империей, являвшейся в свою очередь, главным оплотом ислама – еще одного противника Ватикана. В обмен на это она просто приобретет «уважение» папы Римского и всей католической Европы. К тому же в меморандуме нет ни слова о том, что получает от этого соглашения именно православная церковь, как изменится церковная служба, что будет с догматами, которые разнятся у православных и католиков. Штрессмайер старательно обходит такого рода «детали»: «Славное русское правительство, как могу предположить, волнуют некоторые конкретные вопросы: на каком языке будут читаться молитвы и толковаться Евангелие для карпатороссов, ее подданных? Все такого рода частные вопросы будут быстро и легко решаться, главное, чтобы перед этим были решены главные вопросы»<sup>31</sup>.

Меморандум был составлен епископом очень грамотно, с расчетом именно на официальных лиц из России. Штрессмайер, дабы убедить их в необходимости унии с Ватиканом, использовал в качестве своеобразного предложения решение сложных для России вопросов – польского и «восточного», которое, по его логике, чуть ли не напрямую зависит от союза с Ватиканом. В то же время он исподволь продвигает и свои австрославистские идеи, в частности, идею союза Австро-Венгрии с Россией,

---

<sup>29</sup> Ibid.

<sup>30</sup> Ibid, s. 221.

<sup>31</sup> Ibid.

превозносит «пресветлую династию» Габсбургов, пытается выдать «венгерскую проблему» за одну из главных проблем России и, приведя все доводы в пользу заключения унии, довольно ловко уходит от «частных вопросов», которые могут «легко решиться». На каких условиях, кто будет заключать унию – эти вопросы также остались без ответа. Меморандум Штроссмайера – это документ скорее риторического характера, нежели конкретное предложение по объединению церквей. Насколько известно, экземпляр этого меморандума был отправлен в Россию, но, российские дипломаты, видимо, не отнеслись к нему серьезно (тем более что сам Штроссмайер написал, что «если не понравилось вам то, что я пишу, прошу рассматривать это как скромный, но искренний документ, выражающий мое почтение прекрасной императорской династии и славному русскому народу»<sup>32</sup>), тем более что в 1876 г. на повестке дня у русского правительства в первую очередь стояло отнюдь не объединение церквей.

Подводя итоги, можно сказать следующее. Вряд ли было бы справедливо видеть в Штроссмайере «фанатика католицизма», который пытался склонить на свою сторону русское правительство и церковь в надежде подчинить их Ватикану. Судя по всему, епископ действительно был увлечен идеей объединения церквей и вовсе не по какому-то заданию римской курии, с которой у него всегда были сложные отношения. Достаточно вспомнить позицию Штроссмайера на I Ватиканском соборе в 1870 г., где он выступил против папской непогрешимости. Безусловно, Штроссмайер, как католический епископ, смотрел на объединение церквей со своей «западной» стороны, и роль Святого престола в этом объединении для него не могла не быть главенствующей. Кроме того, Штроссмайер был ловким и хитрым политиком. Он умел поразить собеседника как своим красноречием и ораторскими приемами, так и, в случае необходимости, составить необходимый документ, где его дар убеждения проявился бы не в меньшей степени. Примером тому может служить тот же «Меморандум», в котором епископ очень четко и логично обосновал необходимость заключения унии католической церкви с Россией, используя все необходимые в таком случае аргументы, сообразуясь с текущей политической ситуацией. Поэтому может сложиться впечатление, что он действовал исключительно во благо своей церкви, римской курии. В этом есть доля истины. Но в то же самое время Штроссмайера можно назвать и своего рода церковным диссидентом внутри католической церкви, учитывая его особое мнение по многим вопросам церковной жизни. Хорватский епископ не находил понимания «в верхах», ни у светских

<sup>32</sup> Ibid, s. 223–224.

и духовных властей Австро-Венгрии и Ватикана, ни у русских дипломатов. Стремления Штроссмайера, направленные на сближение католиков и православных, оказались несвоевременными. И хотя попытки установления диалога между хорватским епископом и официальной Россией оказались безрезультатными, идеи Штроссмайера и его опыт могут пригодиться и в наши дни, когда проблема взаимопонимания между славянами католического и православного вероисповедания (и обеих конфессий в целом) все еще остается актуальной.

**Croatian Bishop J.J. Strossmayer and Russian Officials in the 1860s and 70s.:  
an Attempt at Dialogue**

This article is devoted to attempts of Croatian bishop, politician and philanthropist Josip Juraj Strossmayer (1815–1905), to establish a dialogue with Russian officials during the 1860–70s. He had meetings with the Russian consul in Belgrade N.P. Shishkin in 1868 and Russian ambassador in Vienna E.P. Novikov in 1870, and tried to persuade them to help the Croatian national movement in its struggle against the Habsburg regime. However, Shishikin and Novikov did not believe him. Moreover, his ideas were not acceptable for the Russian government because of their desire to save current geopolitical situation. In 1876 Strossmayer wrote the “Memorandum for Russian government” in which he tried to prove that only an agreement with the Vatican would help Russia to solve its internal problems and to strengthen its influence in Europe. Although Strossmayer's attempts failed, his experience can be useful nowadays, as the problem of understanding between the Catholic and Orthodox worlds seems still to be relevant.